

МИФ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА

Курьянова Валерия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
kuryanova_v@mail.ru

THE MYTH OF LEO TOLSTOY IN THE CREATIVE MIND OF I. A. BUNIN

V. Kuryanova

Summary: The article, based on the material of I.A. Bunin's work, examines the elements of the Tolstoyan text as a nominal supertext of literature. It is argued that the basis of this text is the myth of L.N. Tolstoy, which has been actively developing for a century and a half until today, but at the beginning of the 20th century, when Tolstoy's tragic departure from his own home became popular, it became especially relevant. The structure of the Tolstoyan myth is analyzed, the mythologies associated with it (mythologized constant representations) created and reproduced by Ivan Bunin in accordance with his own artistic worldview, personal attitude to the work and personality of L.N. Tolstoy. In the light of the problem posed, the author's works of fiction, his articles and memoirs are examined. Attention is focused on the originality of the Tolstoy text in the creative heritage of Bunin, based on the proximity of worldviews, the sacralization of the image of the great writer, rejection of criticism and profanation of the image of Tolstoy in contemporary art, journalism and memoirs.

Keywords: supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, myth of L. N. Tolstoy, Russian literature of the 20th century, I.A. Bunin.

Аннотация: В статье на материале творчества И.А. Бунина рассматриваются элементы толстовского текста как именного сверткста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л.Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX века в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведённые И.А. Буниным в соответствии с собственным художественным мировидением, личным отношением к творчеству и личности Л.Н. Толстого. В свете поставленной проблемы рассматриваются художественные произведения писателя, его статьи и воспоминания. Акцентируется внимание на своеобразии толстовского текста в творческом наследии Бунина, основанном на близости мировоззрений, сакрализации образа великого писателя, неприятию критики и профанированию образа Толстого в художественном творчестве, публицистике и мемуарах современников.

Ключевые слова: сверткст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л.Н. Толстом, русская литература XX века, И.А. Бунин.

На протяжении XX века в обществе и искусстве все более и более подвергается сомнению уверенность в существовании некоей незыблемой истины, принятой всеми. Вера в прогресс, в нравственное совершенствование человека колеблется год от года, поэтому мифологизация становится определяющей в окружающем человека мире. Неомиф начинает занимать такое же важное место в жизни социума, как в свое время архаичный миф. В поле зрения исследователя-литературоведа попадают большие сверткстовые структуры, которые собираются воедино благодаря цементирующему этот сверткст началу в виде мифологизированных константных представлений. Значимость исторической личности для той или иной эпохи, несомненно, коррелирует со значительностью и масштабностью мифа о ней создаваемого, то есть чем значимее для воспринимающего сознания фигура, тем значительнее ее миф.

Первая попытка описать топический сверткст осуществлена в работе В.Н. Топорова «Петербургский текст» [32], в которой исследователь убедительно доказал, что в основу Петербургского текста положен миф о городе Санкт-Петербурге. Этот труд дал толчок многочисленным

исследованиям Крымского текста [22; 15], Московского [25], Лондонского [28], Венецианского [14], Пермского [1] текстов и т.п. На сегодняшний день литературоведческая наука выделяет уже не только топический сверткст, но также событийный и именной, в зависимости от общности референта [21].

Не каждый топос, событие или личность являются мифопорождающими. Для возникновения необходимой мифогенности местность, явление, персона должны иметь концептуальный характер, то есть быть настолько смыслово наполненными и распространенными в культурном пространстве, чтобы быть понятным как авторскому сознанию, так и воспринимающему. Такой фигурой и становится Лев Николаевич Толстой, тревожащий умы века XIX, XX и не оставляющий равнодушным XXI век. Таким образом, толстовский текст в литературе представляет собой «семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых константных представлений (мифологем) о нём и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закрепленных в произведениях русской литературы. Толстовский текст

оформляется и «прочитывается» обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [16, с. 181–182].

Индивидуально-авторское сознание каждого художника транслирует биографический миф либо в охранительном направлении, либо в профанном. В первом случае автор относится к исследуемой личности с особенным трепетом и пиететом, стремясь, как ему кажется, оградить и очистить биографию своего героя от слухов и искажений. Профанируя же образ, писатель намеренно пытается лишить его святости и высмеять. Но несмотря на разные задачи и тот, и другой вектор «работает» на дальнейшую мифологизацию и распространение мифа.

Толстой благодаря подробным объемным дневникам, автобиографичности своих произведений становится первым творцом мифа о себе. Затем рассказы о нем распространяются в многочисленных воспоминаниях родственников, друзей, секретарей, врачей, последователей, активно публикуется его переписка, в газетах выходят заметки о его передвижении и состоянии, изменениях. Большой интерес вызывает его фигура у современников-писателей, так или иначе ориентировавшихся на талант и популярность.

Цель данной статьи – выявить, что представляет собой и как проявляется толстовский миф, формирующий толстовский текст в художественных, публицистических произведениях и мемуаристике И.А. Бунина. Проблемы восприятия и преемственности писателем философии творчества Л.Н. Толстого вполне успешно разрабатывались в отечественном литературоведении [23; 18; 20; 3; 26; 29; 30; 13], но в настоящей статье исследуется вклад Бунина в создание мифа о Толстом в русской литературе первой половины XX века.

Восхищение личностью Л.Н. Толстого сопровождало Бунина на протяжении всей жизни. Познакомившись впервые с произведениями «великого Льва» в юном возрасте, он не расставался с ними до самой смерти, даже возле смертного одра лежал томик Толстого. Несмотря на художественную и земляческую близость (Бунин любил выражение «одних квасов») начинающий писатель не рассчитывал на особенное общение с Толстым. Бунин чувствовал эту близость со многими известными писателями, родившимися в средней полосе России: «Жуковский и Толстой – тульские, Тютчев, Лесков, Тургенев, Фет, братья Киреевские, братья Жемчужниковы – орловские, Анна Бунина и Полонский – рязанские, Кольцов, Никитин, Гаршин, Писарев – воронежские. Даже и Пушкин с Лермонтовым отчасти наши, ибо их родичи, Воейковы и Арсеньевы, тоже из наших мест, из наших квасов, как го-

ворят у нас» [6, с. 11]. В поздних своих воспоминаниях Бунин критикует замечания А.Б. Гольденвейзера о каких-то исключительных особенностях речи Л.Н. Толстого, он видит в этом особенности языка жителей конкретной местности России, замечая, что и сам также произносит слова.

В ранней юности Бунин предпринимает поездку в Ясную Поляну, но, сильно переволновавшись, переутомившись, засыпает на лавке в городском саду попутного городка Ефремов, а утром дальнейшую поездку в поместье Толстых уже не продолжает, а, загнав лошадь, возвращается домой [7, с. 53]. Писатель сам говорит о некоем образе автора «Войны и мира», который он сам себе нарисовал и влюбился в него: «томил меня мечтой увидеть его наяву» [7, с. 53]. Рассказчик в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» восхищен, что он современник Толстого и, мало того, его сосед [5, с. 138]. Уже в юном возрасте Бунин создает в своем сознании авторский толстовский миф.

Приехав в Полтаву, он попадает в общество толстовцев и примыкает к нему, занимаясь бондарным делом («Для чего мне нужны были эти обручи? Для того опять-таки, что они как-то соединяли меня с Толстым, давали мне тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти в близость с ним» [7, с. 56]), в дальнейшем Бунин распространяет книжки издательства «Посредник» в надежде на встречу с Толстым.

Наконец начинающий писатель книги «Освобождение Толстого» едет к своему кумиру в Хамовники. В предвкушении долгожданной встречи уже сам дом Толстых представляется сказочным заколдованным местом: «над ним тихо играющие разноцветными лучами сказочно-прелестные зимние звезды. Да и все вокруг сказочное. Какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними – Он!» [7, с. 57]. Даже сегодня современный посетитель дома-музея, оказавшись зимой в Хамовническом переулке, невольно попадает под обаяние этого старинного простого дома в тихом закоулке центра Москвы. Что уж говорить про автора-эмигранта, вдали от родины восстанавливающего свои воспоминания молодости.

Облик Толстого, впервые увиденного рассказчиком, вполне характерен для мифологизированного опрощенного образа писателя: шаровары, «мешковатая блуза из серой бумазеи», затем также характерные для толстовского мифа эпитеты: «быстрый, легкий, страшный, остроглазый, с насупленными бровями» [7, с. 58]. Быстроту и легкость гения русской литературы отмечали многие до самых последних лет его жизни, об остроте глаз, которые с легкостью считывали каждого человека, также широко известно. О страхе перед Толстым упоминают мало, чаще всего это страх быстро проходящий, только пугающий до ближайшего знакомства, до «мягкого пожатия»

большой руки и «ласковой очаровательной улыбки». При ближайшем рассмотрении оказывается, что глаза «вовсе не страшные и не острые, а только по-звериному зоркие» [7, с. 58]. Подробнейшим образом описывает Бунин и бороду Толстого: сухая, легкая, неровная, сквозная борода дополняет образ, но не носит у автора книги специального мифологизированного характера, в отличие от многих писателей и поэтов XX века, использующих в своих текстах как мифологему (ср. например, у В. Маяковского: ««На стене / росла / у Маркса // под Толстого / борода» [17, с. 161]). Хождение толстовского мифа в русском обществе отмечает и сам Бунин, подчеркивая, что «не было тогда дома в Москве, где бы не обсуждали проповедей Толстого, не бранились по поводу него, не рассказывали о том, как он, в своей бекешке, с седой бородой, с жесткими и умными глазами под нависшими бровями, пробегает то там, то здесь по московским улицам и бульварам» [7, с. 68].

Затем он встречается Толстого несколько раз уже в издательстве «Посредник», в присутствии других людей. И завершаются реальные встречи рассказчика со своим героем случайным столкновением на Арбате: также зимняя Москва, холод, «посиневшее старческое лицо», «ледяная рука», «что-то вязаное на голове, похожее на старушечий шлык», – такой опрошенный, даже несколько комичный образ все-таки заставляет опять впасть в ступор молодого писателя перед величием личности Л.Н. Толстого. Возможно, «горестность», которую снова подчеркивает в глазах Бунин говорит не только о боли писателя за весь страдающий мир, но и собственные переживания о регулярном эффекте, вызывающем скованность других людей перед величием «Льва русской литературы», такая реакция неприятна Толстому. На станции Астапово умирающий писатель произносит: «на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва» [31, с. 275]. Освобождение Толстого, вынесенное Буниным в заглавие книги, значило в том числе, по мысли автора, и уход (в том числе трагический) от колоссального внимания к личности мыслителя большого количества людей.

Толстовский портрет кисти Репина висит в комнате героини рассказа «Чистый понедельник». С одной стороны, это примета времени, как концерт Шаляпина или лекция Белого, которые посещают персонажи произведения. Но говорит такое почитание перед кумиром автора-Бунина и о неординарности и глубине сознания девушки, что и проявится в раскрытии характера героини в финале произведения. В описании комнаты наличие портрета вызывает сомнение: «зачем-то висел портрет босого Толстого» (курсив мой – В. К.) [11, с. 190], это связано с непониманием героя своей возлюбленной (интерьер представлен читателю с точки зрения героя), выявляется подчеркнутая Буниным разобщенность персонажей с первых страниц. Исследователь О. Лекманов

вполне убедительно доказывает, что портрет босого Толстого на стене героини говорит не только о ее увлеченности русской философией и литературой, а о том, что она представляет собой толстовский тип: от музыкальных пристрастий до ухода [19; 4].

Главный герой романа «Жизнь Арсеньева» перечисляет все мифы, ходившие вокруг фигуры Толстого, в кругах разночинцев и мелкопоместных помещиков конца XIX века: «Толстого всячески поносят за «постыднейшую и вреднейшую проповедь неделания», за то, что он «носит с Богом как с писаной торбой» и, поиграв в пахаря или сапожника, садится за «роскошный» стол, в то время, как тот же яснополянский мужик, в любви к которому он так распинается, «пухнет с голоду» [5, с. 146]. Именно такие мифологемы профанного вектора толстовского мифа расходились тогда в российском обществе и за его пределами. В романе у молодого Алеши Арсеньева подобные разговоры вызвали возмущение, он чувствует лицемерие провинциальных сплетен, поэтому он, охваченный идеями толстовства, все более чувствовал правоту «великого Льва». Бунин глубоко убежден в том, что «все легенды» о Толстом «создавались прежде всего по его собственной вине – на основании его резких, крайних самооценок» [7, с. 129]. Толстой сам создатель биографического мифа о себе, а благодаря глубочайшей исповедальности и открытости, постоянной самокритике, уличении себя в пороках, создатель прежде всего профанного вектора собственной мифологии.

Впервые образ Толстого появляется в раннем рассказе Бунина «Учитель» (1894). Герой произведения полусирота, сын дьякона, отчаянно пытающийся заработать себе на пропитание, но сумевший только лишь получить себе должность земского учителя, Турбин находится в состоянии полуголодных мечтаний о будущей сытой жизни. Местный аристократ, Линтварев, пожалев учителя, приглашает его к себе на святочный праздник, Турбин видит в этом приглашении возможность наконец найти необходимый для себя круг общения. Герой зашивает дырявый сапог, надевает позаимствованную чужую рубашку и идет на прием, ожидая увидеть удивительную роскошь, но встречает его довольно простая обстановка, радушные ласковые хозяева. Одной из примет простоты и вместе с тем просвещенности Линтарева становится облик Толстого: «долго стоял перед камином, рассматривал большой портрет Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себе» [8, с. 323].

В рассказе Бунин использовал мифологему опрошения Толстого: личность писателя играет значительную роль в жизни семьи Линтарева – его большой портрет занимает центральное место в столовой дома. Хозяин дома – богатый успешный молодой человек – проявляет жалость и интерес к бедному учителю, потому что христианские толстовские идеи ему близки. Но русская

действительность, бедность, голод, тоска, неуверенность и водка не могут быть побеждены только лишь жалостью и лаской, что подтверждается грязной хмельной кабацкой попойкой учителя и похмельным приговором неудачливому «педагогу» завершающими рассказ. Использование толстовского мифа дает возможность автору показать безнадежность и беспросветность русской деревни и провинции, проблему, которая станет одной из магистральных в творчестве Бунина.

Мифологема Толстого об опрощении в творческом наследии Бунина обозначена выражением «келья под елью» («На даче» [8, с. 358], «Жизнь Арсеньева» [5, с. 177]). Русская народная пословица «Найдешь келью и под елью» [27, с. 85] помещена В.И. Далем в раздел «Достаток – Убожество» в ряду других подобных («И месяц светит, когда солнца нет», «Сена нет, так и солома съедома» и т.п.), обозначающих способность человека жить в любых условиях, даже самых скромных. То есть пословица в полной мере передает идею опрощения писателя: пресекай всякую избыточность, использовать только тот минимум, который необходим здесь и сейчас, поэтому и под елью ты найдешь себе жилище и будешь в гармонии с самим собой.

В связи личностью Толстого пословица используется впервые Н.К. Михайловским в статье «Еще о гр. Л.Н. Толстом» (1880). Критик возмущен толстовскими идеями и образом жизни, о чем свободно высказывается: «выстроил себе «келью под елью», куда разрешается ходить всем на поклонение и откуда сам он презрительно выглядывает на весь божий мир <...> все – трын-трава, лишь бы старца в келье под елью слушали, да злу не противились <...> а он... он в келье под елью сидит!..» [24]. Михайловский вносит в пословицу дополнительную коннотацию, келья начинает оттягивать на себя все метафорическое значение, то есть символизировать некое отдаленное место, жилище отшельника, одинокого пути духовных исканий. «Келья под елью» в интерпретации известного критика скорее напоминает «башню из слоновой кости», то есть оторванность от реальной жизни, самоизоляция, даже снобизм и замкнутость.

Бунин же, имея некоторый опыт толстовства и общась с Толстым, пишет именно об опрощении, о единении с природой. В рассказе «На даче» пока еще с насмешкой, еще не осознавший свой путь, главный герой называет жилище Каменского «кельей под елью». Зайдя в дом, он видит осознанную простоту в убранстве, именно в этот момент он задумывается, видит библию и начинает читать, в этой самой «келье» что-то новое открывается ему.

Свой эксперимент толстовства Бунин подробнее всего раскрывает в главке воспоминаний «Толстой». Начинаящий поэт едет в Полтаву и там приобщается к коммуне, но воспоминания об окружающих его людях

отнюдь не самые радужные «в общем это был совершенно несносный народ» [12, с. 48]. Ярким, видимо, человеком был Клопский «хитрый нахал и плут, неутомимый болтун, вечно всех поучавший, наставлявший» [12, с. 48], его также можно встретить на страницах повести «Учитель жизни» Н.Е. Каронина-Петропавловского, «Моих университетах» М. Горького. Все остальные толстовцы в описании Бунина также были лицемеры и глупцы. Даже знаменитый доктор А.А. Волкенштейн, по воспоминаниям столь уважаемый всеми человек, разделивший впоследствии судьбу своей бывшей жены Л.А. Волкенштейн, сосланную на Сахалин по приговору «Процесса четырнадцати» над народовольцами, изображен писателем как человек невыдержанный, например, закусывающий себя: «я опять дал волю своей похоти и очень страдаю от этого, но все же борюсь с собой и все же знаю, что не пирожки владеют мной, а я ими: я не раб их, хочу – ем, хочу – не ем» [12, с. 50].

Герой повести «Деревня» (1910) Кузьма в свойственном этому произведению темному блужданию по России оказался и под влиянием толстовского учения, «с год не курил, в рот не брал водки, не ел мяса, не расставался с «Исповедью», хотел переселиться на Кавказ, к духовобрам» [10, с. 332]. Но вся его праведная жизнь, попытка выбраться из темноты деревни Дурновки, не приводит ни к чему, он заражен этой русской болезнью черноты, безысходности, он такой же «живорез», как и все остальные крестьяне, не пожалеет он никого, как и его никто не пожалеет на Руси. Мифологема толстовства и «непротивления злу насилием» использована Буниным как еще одна примета безысходности. Тема деревни, жестокий ее лик – нищая и разоряющаяся Россия воплощена и в невозможности использовать идеи Толстого, поэтому вырождение русской деревни неминуемо, как в понятной судьбе Тихона, так и в судьбе его более просвещенного брата самородка Кузьмы.

Очень важной для себя книгой считал Бунин «Освобождение Толстого» (1937), написанной в основном для зарубежных читателей (сам автор отмечает аудиторию в письме к архимандриту Киприану в Москву от 31 июля 1944 года [12, с. 133]), но получившей признание и популярность как среди русской эмиграции, так и позднее в России, потому что написана с необыкновенной любовью и трепетом к своему герою. Книга является итогом многолетних размышлений над творчеством и судьбой Толстого, а также осмыслением его ухода из Ясной Поляны в 1910.

Главной мифологемой этого философского произведения становится величие Л.Н. Толстого. Бунин подерживает идею исключительности писателя, он ставит его в один ряд с Буддой, отдавая его от жизни и судьбы обычного человека, обозначив путь схожий с героями

архаических мифов. Прежде всего писатель замечает стремление великого мыслителя выйти из координат человеческой судьбы, только тогда появится возможность освободиться и существовать на ином, духовном уровне: «пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них» [7, с. 15]. Бунин активно цитирует дневники и произведения Л.Н. Толстого, компилируя выдержки из них согласно своей идеи «освобождения», подразумевая недостаточную погруженность в толстовские материалы европейского читателя. Сущность человека «вне временных и пространственных форм», она смешана «с комарами да оленями» [7, с. 36], слита с природой, без всякого человеческого превосходства.

Толстой был настолько велик, что не мог поместиться в человеческом жилище: «потому, что «тесна жизнь в доме, место нечистоты есть дом», как говорил Будда» [7, с. 22]. Сбежал он именно из-за тесноты, невозможности так существовать далее, ему необходимо было чувствовать себя свободным, свободным, как зверь, свободным, как птица. Он должен был перейти «из «Бывания в Вечное», говоря буддийскими словами» [7, с. 38]. Поэтому и место, по мысли Бунина, выбрано такое, чтобы находилось вне обычного времени и пространства: у Будды – это «роща Уравеллы», у Толстого – станция Астапово [7, с. 41].

У Бунина был «его» Толстой не тот общественный Толстой, портрет которого в день смерти разместили во всех газетах: «чернел всему миру известный портрет старого мужика в мешковатой блузе, с горестно-сумрачными глазами и большой косою бородой» [7, с. 34] (по всей

видимости Бунин имел в виду портрет кисти И. Крамского 1873 года), а «худой загорелый юнкер», шагающий в лесу над Терекком. Для писателя его кумир был всегда юн, он был частью его собственной молодости, живущий в бунинских ранних мечтах.

Освобождение Толстого Бунин увидел как переход в некое духовное состояние, где нет пространства и времени, нет ничего материального, нет никаких связей с человеческой личностью, нет никаких потребностей и желаний, есть только «истинное Я» [7, с. 52].

Близость личности Толстого, бунинские ощущения неизменного присутствия писателя на протяжении всей жизни И.А. Бунина выразил в письме к Т.Л. Сухотине-Толстой 27 апреля 1934 г.: «Ведь вы, Толстые, истинно как родные были мне всю жизнь» [12, с. 483]. Бунин создает свой собственный миф о «великом Льве», включающий как образ остроглазого человека с нахмуренными бровями в холодной снежной Москве, так и распространенные мифологемы о толстовстве и опрощении Толстого (выраженной художником эвфемизмом «келья под елью»). Будучи современником своего кумира, Бунин подчеркивал родство гения, сумевшего от тщательного самоанализа личных дневников перейти в своих текстах к удивительно глубокому раскрытию психологии человека вообще. Толстовство же Буниным воспринято и проанализировано подробно в силу собственного опыта работы в коммуне. Поэтому несмотря на использование мифологемы «Толстой как кумир» восприятие Буниным своего предшественника представляло собой «отчетливое стремление максимально сократить расстояние между собой и Толстым – вплоть до включения его в собственный, бунинский, историко-биографический миф» [2, с. 97].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века Пермь: Кн. изд-во, 2008. 404 с.
2. Анисимов К.В. Толстовские претексты в прозе Бунина: на границе прапамяти и историзма // Лев Толстой и время. Вып. 5. С. 94–105.
3. Бабореко А.К. Бунин о Толстом // Яснополянский сборник. Статьи и материалы. Год 1960-й. Тула, 1960. С. 129–146.
4. Богданова О.В. «Чистый понедельник» И. Бунина как художественная версия «Освобождения Толстого» // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. No 4. г. Санкт-Петербург 2017. 59 с. С. 20–22.
5. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006 – 480 с. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье дерево. Рассказы (1927–1931).
6. Бунин И.А. К воспоминаниям о Толстом // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 584 с. Т. 10. Портреты; Критика; Слово о Буине.
7. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 544 с. Т. 8. «Это самая наша Русь!» Любимые имена; Из «Великого дурмана». Публицистика (избранное).
8. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 576 с. Т. 1. Стихотворения (1888–1911). Рассказы (1892–1901).
9. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 640 с. Т. 12. Письма И.А. Бунина 1901–1904 гг.; Малоизвестное. Переписка И.А. Бунина с Архимандритом Киприаном (Керном) 1940–1948 гг.; В.Н. Муромцева-Бунина «Беседы с памятью»; Г.Н. Кузнецова «Грасский дневник».
10. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 592 с. Т. 2. Стихотворения (1912–1952). Повести, рассказы (1902–1910).
11. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 488 с. Т. 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окаянные дни» (1935).

12. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 592 с. Т. 9. «Воспоминания»; «Дневник 1917–1918 гг.»; «Дневники 1881–1953 гг.»; «Первые литературные шаги»; «Перед грозой».
13. Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А. Л.Н. Толстой в судьбе и художественном мире И.А. Бунина // Наука. Искусство. Культура. 2022. Вып. 2 (34). С. 18–36.
14. Кунусова А.Н. Венецианский текст в русской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Астрахань, 2011. 189 с.
15. Курьянов С.О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА–М, 2019. 312 с.
16. Курьянова В.В. Толстовский текст и миф о Л.Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. № 1. С. 179–194.
17. Курьянова В.В. Толстовский миф в творчестве В.В. Маяковского // Litera. 2018. № 4. С. 152–167.
18. Кучеровский Н.М. «Мундир толстовства»: (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX века: Сб. статей. Калуга, 1966. С. 110–132.
19. Лекманов О. «Зачем-то?». Лев Толстой в «Чистом понедельник» Бунина // Литература. 2003. № 23 (647). – URL: <https://lit.1sept.ru/index.php?year=2005&num=23>.
20. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М., 1989. 175 с.
21. Лошаков А.Г., Шушарин И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. No 5. С. 117–127.
22. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
23. Михайлов О.Н. Бунин и Толстой // Лев Николаевич Толстой: Сб. ст. о творчестве: [В 2 вып.] / Московский гос. ун–т им. М.В. Ломоносова; Под ред. Н.К. Гудзия. М. 1959. Вып. 2. С. 203–216.
24. Михайловский Н.К. ... Еще о гр. Л.Н. Толстом. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/mihajlovskij-esche-o-tolstom.htm>
25. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. / под. ред. Г.С. Кнабе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 229 с.
26. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 256 с.
27. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 2 т. / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с. Т. 1.
28. Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2005. 20 с.
29. Салманова И.Ф. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: К проблеме целостного осмысления жизнетворчества Л.Н. Толстого // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: научные доклады, статьи, тезисы, очерки / отв. ред. Е.А. Ширина. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. Вып. 5. С. 152–155.
30. Сливичкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. Москва, 2004. 270 с.
31. Толстая А.Л. Жизнь с отцом. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 280 с.
32. Топоров В.Н. Петербургский текст. Москва: Наука, 2009. 820 с.

© Курьянова Валерия Викторовна (kuryanova_v@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского